

© 2000 г., ЭО, № 6

III МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНИЮ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Б. ПИЛСУДСКОГО

29 августа – 3 сентября 1999 г. в польском городе Кракове состоялась III международная конференция, посвященная изучению творческого наследия Б. Пилсудского¹. Среди организаторов конференции – ряд университетов, библиотек, музеев и академических учреждений Польши. Заседания проходили в Кракове в Центре японского искусства и технологии Мангха, созданном на средства выдающегося польского кинорежиссера Анджея Вайды. На открытии конференции участников приветствовала его супруга, а во время ее работы и сам А. Вайда нашел время встретиться с нами в непринужденной обстановке.

На первом пленарном заседании участникам конференции были представлены гости из Японии – внук Б. Пилсудского, инженер из Иокагамы К. К и м у р а и его дочь. Сам К. Кимура, высокий крепкий мужчина, мало ассоциирующийся по облику с жителями Японии, узнал о родстве со знаменитым поляком только 17 лет назад, так как родители скрывали, что его бабушка – айнка Хухамма была замужем за Б. Пилсудским и имела от него сына и дочь.

Затем К. С а в а д а (Сайтама) прочитал доклад «Бронислав Пилсудский и Фтабатэй Симэй»², вызвавший живой интерес у слушателей. С начала октября 1905 г. по 3 августа 1906 г. Б. Пилсудский находился в Японии, посетил ряд городов и встречался там со многими деятелями японской культуры и науки. Фтабатэй Симэй (псевдоним знаменитого писателя Хасэгава Тацуносукэ, 1864–1909) – создатель современного японского литературного языка, основоположник критического реализма в японской литературе, один из первых японских русистов и переводчиков русской литературы, – также входил в круг его знакомств. Пилсудский и Фтабатэй сблизились духовно, часто встречались, обсуждали литературные и политические вопросы. Впоследствии Б. Пилсудский писал М. Горькому про Фтабатэя. Памяти своего друга Пилсудский посвятил некролог, где характеризовал его как редкостного человека, интересовавшегося Польшей.

На секционных заседаниях, начавшихся на следующий день, было представлено большое количество докладов, построенных на материалах, собранных в свое время Пилсудским.

«Вклад Б. Пилсудского в изучение языка ороков Сахалина» – тема доклада Л.В. О з о л и н я (Новосибирск). Материалы по орокскому языку, собранные Б. Пилсудским во время его пребывания на Сахалине в 1903–1905 гг., уникальны во всех отношениях. Они собирались в то время, когда орокский язык был единственным средством коммуникации этого этноса, а часто и языком межнационального общения на севере острова. Орокская коллекция, как писал сам Пилсудский, насчитывала «этнографических материалов 180 страниц, текстов орокских 13 страниц, слов орокских и мангунских ольчей около 2000». Именно многогранность собранного материала придает ему особую ценность. Проанализировав историю изучения орокского языка, Л.В. Озолина обратила внимание на тот факт, что Б. Пилсудский одним из первых стал говорить о родстве орокского, ольчского (ульчского) и гольдского (нанайского) языков.

Лингвистические работы Б. Пилсудского не очень велики по объему, но затрагивают практически все аспекты языка. Проблемный характер имел доклад А.М. П е в н о в а (С.-Петербург) «О своеобразии исторической фонетики орокского языка». Б. Пилсудский первым начал записывать тексты, в том числе и фольклорные, на орокском языке. Наиболее яркими особенностями исторической фонетики языка ороков выступают депалатализация (отверждение) и геминация (удвоение) согласных. Общее впечатление таково, что предки ороков некогда говорили на эвенкийском языке, а затем перешли на другой язык, близкий ульчскому. Такая гипотеза не противоречит антропологическим данным (байкальский тип, по М.Г. Левину) и этнографическому материалу (сочетание рыболовства с оленеводством, что само по себе весьма необычно).

В докладе Л.Б. Г а ш л о в о й (С.-Петербург) «О языке фольклора нивхов. Этнолингвистический

аспект (По материалам Пилсудского)» шла речь о научном значении материалов этого выдающегося исследователя. Памятники нивхского фольклора в записях Пилсудского обогатили науку надежными сведениями о языке того периода, когда нивхский язык был единственным средством общения его носителей. Его материалы дают возможность значительно продвинуть изучение проблем нивхской диалектологии и более конкретно отразить самобытный характер сахалинского диалекта, показать особенности его лексического состава, связанные с условиями обитания и традиционной культурой этой группы нивхов.

Сообщение М.Д. С и м о н о в а (Новосибирск) было посвящено нанайскому словарю Б. Пилсудского, недавно найденному в Кракове в архиве Польской академии наук среди бумаг В.Л. Котвича. Записи, сделанные на Среднем Амуре осенью 1905 г., фиксируют нанайский язык, еще практически не подвергшийся влиянию русского языка. Чтобы ввести эту ценную рукопись в научный оборот, докладчик подготовил комментированный словарь Б. Пилсудского (9 а.л.) для издания в III томе полного собрания сочинений Б. Пилсудского.

В докладе Е.Ю. Г р у з д е в о й (Хельсинки, Финляндия) обсуждались текстологические и лингвистические особенности нивхских фольклорных текстов, собранных Б. Пилсудским на Сахалине. Это 368 страниц, которые хранятся в фонде Л.Я. Штернберга в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Рукопись содержит 87 текстов и отдельные фрагменты, относящиеся в основном к таким жанрам нивхского фольклора, как *тылагунд* (миф, сказание), *настунд* (импровизированный миф), *керш аинд* (исторический эпос). В 1996 г. было опубликовано факсимильное издание рукописи, однако до сих пор нивхские тексты не расшифрованы и практически недоступны исследователям. В настоящее время началась подготовка к публикации текстов на современном научном уровне.

Доклад К. М у р а с а к и (Иокагама, Япония) «Устная литература сахалинских айнов, *туйта*» был посвящен классификации Б. Пилсудским жанров айнского фольклора и характеристике некоторых отличий его подхода от классификации других исследователей. Та же тема была заявлена и А.М. К а б а н о в ы м (С.-Петербург) – «Исследования айнского фольклора Б. Пилсудским». Докладчик рассказал о трудностях, с которыми сталкивался Б. Пилсудский при работе с информантами. Айны с определенной настроенностью и неохотой доверяли чужаку свои сокровенные сказания и легенды. В заключение А.М. Кабанов прочитал по-русски и по-английски две *туйта*, которые, по его мнению, можно определить как сказки. 11 *туйта* и 3 *учаськома* (легенды) хранятся в архиве Санкт-Петербургского института востоковедения РАН. Пилсудский не включил ни одну *туйта* в первое издание фольклорных материалов, очевидно, намереваясь издать их во втором томе «Материалов по фольклору», который так никогда и не появился.

Т.Д. Б у л г а к о в а (С.-Петербург) рассказала о значении текстов Б. Пилсудского для изучения мифологических основ родового строя народов Сахалина и Дальнего Востока. Б. Пилсудский как тонкий исследователь обнаружил у каждого ороцкого и ульчского рода своего покровителя – хозяина (*ыдзигы*). Для понимания религиозных основ рода как коллектива, связанного сознанием общности происхождения от одного мужского предка, главы рода, важно показать не только то, что члены рода поддерживают друг друга в материальных и юридических вопросах, но и то, как они взаимодействуют с соседними родами. Ценные сведения о родовых духах-покровителях, разбросанные в работах Б. Пилсудского, позволяют утверждать, что многие из этих текстов – не вымышленные повествования, а скорее хроника, фиксирующая характерные явления шаманской практики и события, имевшие место в действительности. Этот вывод был подтвержден примерами интерпретации ряда таких текстов.

В докладе А.Б. О с т о р о в с к о г о (С.-Петербург) «Мировоззрение в культуре нивхов: вклад Б.О. Пилсудского» охарактеризована научная значимость фольклорных материалов трех ведущих нивховедов конца XIX – середины XX в.: Л.Я. Штернберга, Б.О. Пилсудского и Е.А. Крейновича. Докладчик опирался на ранее разработанный им подход, апробированный в его монографии «Мифология и верования нивхов», в рамках которого автономно выделяются двух-, трех- и многочастная модели мировоззрения. Наиболее значителен вклад Пилсудского в характеристику последнего типа модели, благодаря его материалам наиболее отчетливо реконструируются такие определяющие эту модель признаки, как числовой код и оппозиция сухое/сырое (суша/вода).

Большой интерес вызвал доклад Т.Ю. С е м (С.-Петербург) «Традиционное мировоззрение айнов, идея посредничества». Докладчица сосредоточила внимание на анализе *инау* (ритуальные заструженные палочки), *йкуниеи* (принадлежности медвежьего праздника, палочки-усоержатели) и *иноко* (округлые предметы). По форме *инау* разделяются на вертикальные, горизонтальные и круговые, их наиболее значимые семантические функции – охранительная и плодородия. Соотнесение этих трех типов с объектами природы и культуры и выявление их функциональной семантики, по мнению Т.Ю. Сем, свидетельствуют об универсальности данных знаков в культуре айнов: в традиционном мировоззрении этого народа они маркируют

микро- и макрокосмос. Знаки неба и земли наиболее характерны для айнских *инау* всех типов. По-видимому, *инау* выполняли функцию мандалы и структурно олицетворяли космос во всем многообразии.

В.М. С а н г и (пос. Ноглики) в живописной форме, свойственной яркому самобытному писателю, доложил о своих многолетних исследованиях Вангрикво – древнего нивхского города-крепости на севере Сахалина, возникновение которого докладчик относит к XIII в.

Б.С. Ш о с т а к о в и ч (Иркутск) охарактеризовал Б. Пилсудского как зачинателя исследований истории поляков в Сибири, автора работы «Поляки в Сибири», опубликованной в 1918 г. во Франции на польском языке. В очерке польского ученого уже наличествуют все основные компоненты трактовки данной темы: вопросы этнокультурного менталитета поляков в Сибири, их культурно-психологическое воздействие как представителей западной цивилизации на различные социальные и национальные группы местного сибирского населения и т.д.

Доклад В.М. Л а т ы ш е в а (Южно-Сахалинск) был посвящен неизвестному варианту проекта Б. Пилсудского «Об устройстве быта и управления айнов». В начале XX в. по просьбе Сахалинского губернатора М.И. Ляпунова Б. Пилсудский участвовал в подготовке нового законодательства «до инородцев относящегося», начавшейся на основании «высочайших повелений» для замены безнадежно устаревшего «Устава об управлении инородцев» от 22 июня 1822 г. Обнаруженный в 1980-е годы в архиве «Проект правил об устройстве управления айнов о. Сахалина» Б. Пилсудского был опубликован в Южно-Сахалинске и перепечатан в Польше. С его анализом выступили российские и польские ученые. Недавно в Томске, в личном архиве Г.Н. Потанина, хранящемся в рукописном отделе научной библиотеки государственного университета, был найден еще один вариант этого «Проекта», вдвое больший по объему. «Проект» охватывает все стороны жизни аборигенов острова. Б. Пилсудский, соглашаясь проделать необходимую властям работу, исходил из того, что «Проект» сможет облегчить положение сахалинских айнов. Сравнение вариантов «Проекта» дает возможность проникнуть в творческую лабораторию ученого, выявить влияние его личного опыта на конечные выводы. Хотя «Проект» не был реализован, контуры этого документа просматриваются в последующих правовых актах вплоть до настоящего времени. Это лучшее подтверждение правоты Б. Пилсудского как ученого и гуманиста.

В последние годы много сделано для изучения и публикации эпистолярного наследия Б. Пилсудского³. На конференции в Кракове К. И н о у э (Саппоро, Япония) прочитал доклад «"Дорогой отец": письма Б. Пилсудского из Петропавловской крепости». Отметим, что К. Иноуэ внес значительный вклад в изучение научного наследия Пилсудского. В 1999 г. он опубликовал серию писем ученого родным, а также письма В.В. Радлову, Ф. Боасу и другие материалы⁴. В докладе К. Иноуэ специально остановился только на письмах Б. Пилсудского к отцу, хранящихся в архиве Библиотеки Литовской АН в Вильнюсе. Они написаны 30 марта (11 апреля) и 18 (30) мая 1887 г. в Петропавловской крепости. «Я решил написать к тебе, искренне сознаваясь в вине, и стать перед судом твоим, как скоро стану перед судом законов», – писал Б. Пилсудский, тяжело переживавший свой арест, и просил отца забыть о нем, потому что оказался недостойн его. Он глубоко раскаивался в содеянном, верил, что в конце концов вернется к активной жизни: «Я буду рад, если моей сломленной жизни будет достаточно для того, чтобы заставить опомниться честных, но увлекающихся молодых людей; я утешаю себя, что страдать я буду не только за свою вину, а и для того, чтобы много других подобно мне не страдало, чтобы из многих быть может, заставив переменить моим примером их направление, сделать их полезными членами общества... Не поддавайтесь чувству горя... Знайте все, что я вас любил, люблю и никогда любить не перестану и не теряю еще надежды показать это на деле. Простите мне еще раз и прощайте до XX столетия».

Ряд докладов был посвящен участию Б. Пилсудского в формировании музейных коллекций. Ш. О г и - х а р а (Тиба, Япония) подробно рассказала об айнских коллекциях Б. Пилсудского в Санкт-Петербурге. При ее участии был издан каталог айнских коллекций, хранящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. В настоящее время завершается подготовка к публикации айнского собрания Российского этнографического музея⁵.

З. Я с е в и ч (Познань, Польша) рассмотрел весьма плодотворное сотрудничество Б. Пилсудского с Музеем императора Александра III в С.-Петербурге. Б. Пилсудский состоял в переписке с заведующим этнографическим отделом Русского музея Д.А. Клеменцем, обсуждал с ним вопросы формирования коллекции музея по народам Дальнего Востока (айны и нивхи) и Польши (гуралы).

Исключительный интерес вызвал доклад Т.П. Р о о н (Южно-Сахалинск) «Коллекции народов Амуро-Сахалинского региона в музеях США», распространенный среди членов конференции в письменном виде. Исследовательница, работая в различных музеях США, выявила большое количество этнографических

коллекций и архивных материалов по коренным народам Амура и Сахалина, ранее не публиковавшихся, а потому неизвестных ученым. Т.П. Роон работала в фондах Американского музея естественной истории (Нью-Йорк), Национального музея естественной истории и антропологического архива Смитсоновского института (Вашингтон), в Пибоди-музее Гарвардского университета (Кембридж, Бостон), Музее антропологии и археологии университета Пенсильвании, Сивик-центре (Филадельфия), Институте Юзефа Пилсудского и др. Среди собирателей коллекций и материалов Б. Лауфер, Ф. Боас, В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон, Д. Фовке, Р. Аустерлиц, А. Агассиз, О. Латтмор, В.К. Арсеньев, Б. Пилсудский и др.

И.В. Сулова (С.-Петербург) сообщила о китайских коллекциях Б. Пилсудского и В. Серошевского в Музее антропологии и этнографии РАН. Коллекция Пилсудского (64 предмета) поступила в музей в 1907 г. без каких-либо документов и состоит в основном из народных лубочных икон (изображения божеств богатства, очага, данной местности, пяти дорог и др.). От В. Серошевского коллекция поступила в 1903 г. после его командировки в Маньчжурию по поручению музея. Анализ коллекций обоих собирателей показывает, что они резко отличаются друг от друга по составу, но в целом удачно дополняют китайские собрания МАЭ.

«Коллекции Б. Пилсудского в музеях России и Японии (Проблемы выявления, изучения и каталогизации)» – тема доклада М.М. Прокофьева (Южно-Сахалинск). Первые сборы коллекций были сделаны Пилсудским в 1894–1896 и 1898–1899 гг. в период его пребывания на каторге у сахалинских нивхов близ селения Рыковское. За время пребывания на Сахалине им был собран большой этнографический материал для Сахалинского музея (порт Александровский), Музея Общества изучения Амурского края (Владивосток), Музея антропологии и этнографии Императорской Академии Наук (С.-Петербург). В докладе рассматривается история попадания коллекций Б. Пилсудского в музеи Европы, США и Японии. Особо подробно докладчик остановился на коллекциях первого Сахалинского музея, открытого в порту Александровском 6 декабря 1896 г., история которых до сих пор остается неясной: не проведен анализ каталога и представленных в нем коллекций по археологии и этнографии коренных народов Сахалина. Выявление, изучение и каталогизация коллекций Б. Пилсудского в этом музее – важная задача российских ученых, так как коллекции, входившие в собрание этого музея ранее, во многом уникальны. В организации их изучения есть и немалые трудности: коллекции музея в период русско-японской войны были вывезены в Японию. В докладе М.М. Хасановой (С.-Петербург) «Б.О. Пилсудский и Л.Я. Штернберг» охарактеризована длительная и плодотворная дружба ученых. Переписка между ними продолжалась до гибели Пилсудского в 1918 г. Особое внимание было уделено вопросу поступления коллекций Б. Пилсудского в МАЭ. Все эти коллекции регистрировал Л.Я. Штернберг. Описание предметов он предварял кратким сообщением о том, что Пилсудский просил подождать с регистрацией коллекций до его приезда в Петербург. Эта деталь свидетельствует о том, что Пилсудский не терял надежду вернуться в Россию и работать в МАЭ.

Ф. Далэ (Нешатель, Швейцария) представил доклад «Б. Пилсудский в Швейцарии и фотографии Б. Пилсудского в Этнографическом музее г. Нешатель». В Швейцарии Б. Пилсудский пытался завершить образование, ознакомился с постановкой музейной работы. На фотографиях из этой коллекции докладчик обнаружил номера, свидетельствующие о том, что они были нанесены Б. Пилсудским на стеклянные негативы, с которых нуждающийся исследователь делал отпечатки и предлагал их различным музеям России, Польши, Америки.

А.М. Рещетов (С.-Петербург) на основе новейших архивных разысканий доложил о связях Д.А. Клеменца с польскими учеными, которые завязались вскоре после его ссылки в Сибирь и начала работы в Минусинском музее. Интенсивные контакты с польскими учеными сложились у него в 1891–1894 гг. в период подготовки знаменитой Сибиряковской экспедиции, о чем красноречиво свидетельствуют письма Н.А. Виташевского к Д.А. Клеменцу, хранящиеся в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН и впервые вводимые в научный оборот. Там же докладчик обнаружил неизвестное ранее письмо Б. Пилсудского к Д.А. Клеменцу, заведующему этнографическим отделом Русского музея от июня 1908 г., свидетельствующее о тесных связях между этими учеными.

А.Б. Спелковский (Отару, Япония) поделился своими мыслями о Б. Пилсудском как об этнографе, человеке, гуманисте.

Сообщение В.Г. Семенковой (пос. Тымовское) касалось взаимоотношений Б. Пилсудского и нивхов Тымовской долины. Он много общался с аборигенами, изучал их язык, культуру, записывал произведение фольклора. Ученый принял активное участие в обучении и судьбе многих нивхов, которые отвечали ему любовью. До сих пор ходят легенды о любви Пилсудского и нивхской девушки, о его нивхских

потомках. Нивхские поэты посвятили ему свои песни. В настоящее время Тымовский музей работает над созданием культурного нивхского центра в национальном селе *Чир-Унад*.

И. С и м а м у р а (Отару, Япония), известный исследователь варгана и игры на нем у разных народов мира, рассказал о «говорящем» варгане у айнов.

Тема «Б. Пилсудский» в той или иной мере присутствовала в каждом докладе, прочитанном на Краковской конференции.

Т. д е Г р а а ф (Эк Гронинген, Нидерланды) представил доклад «Кашая помо и русское влияние на северном тихоокеанском побережье Азии и Америки». Рассказав о расселении малых народов (в том числе калифорнийского индейского племени *кашай помо*) в рассматриваемом регионе, он выразил тревогу в связи с постепенной, но все убыстряющейся утратой ими родных языков и призвал российских, японских, американских ученых совместными усилиями разработать меры по языковой ревитализации. У меня лично вызывает вопрос упоминание «русского влияния» в названии доклада, которое вряд ли правомерно распространять на весь этот регион. Если кашая помо и испытали русское влияние, то оно имеет явно историческое значение. Целесообразнее было бы рассмотреть и сравнить влияние русского языка на языки коренного населения азиатской части рассматриваемого региона и английского – на аборигенов Америки.

К. Р е ф с и н г (Гонконг) рассказала о ранних путешественниках, посетивших айнов и оставивших описания их занятий, быта, культуры. Ею подготовлены и изданы пять томов (1600 с.) материалов таких свидетельств об айнской культуре.

Большой оригинальный материал был представлен в докладе М.С. В ы с о к о в а (Южно-Сахалинск) «Проблема сохранения этнического своеобразия коренного населения Сахалина», вызвавшем живой интерес у слушателей, что выразилось в большом количестве вопросов к докладчику.

М.И. И щ е н к о (Южно-Сахалинск) рассказала о польских женщинах на сахалинской каторге. Сахалинская каторга с самого начала ее устройства планировалась как средство освоения территории, а многолетний опыт колонизации Сибири показывал, что семья – опора колонизации. Осужденные, за которыми прибывали семьи, имели громадное преимущество перед остальными. В середине XIX в. на острове было уже свыше 1630 поляков. Особое место в докладе уделено роли жены и матери в процессе адаптации к новым условиям. Именно она становилась опорой мужу и детям в этой непривычной тяжелой обстановке. Женщины вынужденно, независимо от личных качеств, воспитания и желания становились гораздо более самостоятельными, нежели на родине. Обстановка заставляла их менять поведение, статус, социальные позиции. На их плечи ложилась и большая физическая нагрузка: предстояло на пустом месте завести дом, обустроить хозяйство, кормить семью. Матери в первую очередь являлись носителями национальных традиций и обычаев. Благодаря их усилиям сохранялся родной язык. Дети нередко навсегда связывали свои судьбы с островом, теперь уже добровольно.

Доклад Ю. Ч е р м и н ь с к и (Гдыня, Польша) был посвящен использованию информационных систем Интернета для изучения научного наследия Б. Пилсудского.

Известный физик Т. А с а к у р а (Саппоро, Япония) в соавторстве с Дз. Иодзуми и Т. Накамура представил интересный доклад «Оптические методы для воспроизведения старых фонографических валиков». Техническая часть доклада была не очень понятна участникам конференции, но результаты проведенных исследований впечатлили и восхитили, когда удалось услышать звучание записей, сделанных в свое время Б. Пилсудским.

Последний день конференции проходил 3 сентября в курортном городе Закопане, куда ее участники в комфортабельных автобусах переехали из Кракова. В этом городе жил и работал Б. Пилсудский. В 10 часов утра мы направились в местный Гатровский музей, где представлены все стороны хозяйственной жизни, быта и традиционной культуры гуралов. Особо впечатляет коллекция их своеобразной одежды. Меня очень заинтересовало собрание икон. Известно, что в католическом костеле нет икон. Однако, поскольку в этом горном крае костелы были редки, в домах верующих вешались бумажные иконы с изображением святых. Когда надо было менять выцветшее старое изображение, его сжигали и вешали новое. Велико было мое удивление, разделенное польскими коллегами, когда в известной композиции «Богородица с Младенцем» вместо Богородицы я увидел лицо бородатого старца. Сотрудница музея объяснила нам, что здесь нередко вместо Богородицы изображали Младенца Христа на руках у Святого Иосифа.

Пленарное заседание открылось в 11 часов в Доме городской администрации докладом местного ученого Е. Р о ш к о в с к о г о, рассказавшего об активной научной, издательской и общественной деятельности Б. Пилсудского в Закопане и округе в 1906 и в 1911–1914 гг. Он ставил своей задачей привлечь всех интересующихся краеведением к участию в научно-исследовательской деятельности, используя для этого

такие организации, как Татровский музей, Татровское общество, Общество Татровского музея, Общество друзей польского татровского народа и др., распространяя знания посредством публикаций и публичных лекций. Он организовал этнографическую секцию Татровского общества и был избран ее главой. Эта секция провела немалую работу по этнографическому изучению гуральского края.

С докладом «Б. Пилсудский как ученый и политический активист в период движения за независимость Польши» эмоционально выступил А. К у ч и н ь с к и (Краков, Польша)⁶. Стараниями А. Кучиньского и его коллег из Франции была привезена урна с землей с могилы Б. Пилсудского, которая была установлена в зале заседания на специальном подиуме. В дальнейшем, по замыслу организаторов, эта урна будет захоронена на местном кладбище, чтобы обозначить символическую могилу ученого на родине.

Ряд соображений о владивостокском периоде жизни Пилсудского (апрель 1899 – июль 1902 г.) высказал М.М. П р о к о ф ь е в в докладе «Неизвестный Пилсудский: к истории одного конфликта». В основу доклада было положено «Заявление члена-соревнователя Общества изучения Амурского края Н. Пальчевского, вынужденного сложить с себя звание вице-председателя 30 июля 1901 года», в котором проявилась особая тенденциозная предубежденность его к Пилсудскому как к бывшему политическому преступнику. Докладчик рассмотрел работы Б. Пилсудского в Обществе как поиск себя в новом деле, пробу сил и возможностей: он работал консерватором, библиотекарем и секретарем распорядительного комитета Общества.

Вечернее заседание было посвящено различным аспектам связи Б. Пилсудского с Литвой – страной его рождения, детства и юности, ведь неслучайно сам он называл себя «литовским поляком». Однако литовская журналистка А.А. Б а й о р, выступившая с докладом «Бронислав Пилсудский и Залавас/Зулув», явно переоценила степень влияния малой родины на самосознание ученого. Она старалась убедить слушателей в том, что Пилсудский, оказавшись в ссылке на Сахалине, стал заниматься изучением айнов, особенно айнского шаманизма, под влиянием литовского язычества, с которым он мог познакомиться в первые годы своей жизни, и это влияние было настолько глубоким, что уже действовало на подсознательном уровне.

Глубоко аналитический характер носил доклад А. М а е в и ч а (Краков, Польша) «Бронислав Пилсудский, Адомас Варнас и "Литовские кресты"», который был посвящен одной из самых «неожиданных» работ в творческом наследии Б. Пилсудского – статье «Литовские кресты», изданной в 1916 г. в Швейцарии на французском языке. Среди причин, побудивших ученого поднять эту тему, докладчик обратил внимание на его знакомство с одним из самых выдающихся мастеров литовской живописи – Адомасом Варнасом (1879–1979), который жил в Закопане и Кракове одновременно с ним. Они были знакомы, встречались, беседовали, и в 1912 г. А. Варнас написал в доме писателя Стефана Жеромского в Закопане портрет Б. Пилсудского в айнском халате. Одной из тем, обсуждавшихся при их встречах, могла быть и тема деревянных и железных крестов, без которых невозможно себе представить литовскую культуру, литовский быт: они стали признаком литовской тождественности. Поэтому к этой теме обратился и Б. Пилсудский, а в Литве был издан двухтомный альбом «Литовские кресты», тиражом всего 100 экз., каждый из которых сделан вручную художником А. Варнасом в Каунасе в 1926 г. В 1927 г. в литовском иллюстрированном журнале были опубликованы черно-белая фотография портрета Б. Пилсудского в айнском халате работы А. Варнаса и его краткие воспоминания о своем польском знакомом. По мнению А. Маевича, тема литовских крестов как бы объединяла научные и художественные интересы этих двух великих современников, побудив их к созданию разных по жанру произведений на общую тему.

Несмотря на плотный график работы конференции, мне благодаря помощи ее организаторов и польских коллег удалось познакомиться с богатейшими разнообразными, в том числе этнографическими, коллекциями музея Чарторьских, посетить Этнографический музей в Кракове, созданный в 1911 г. известным знатоком и собирателем предметов народной культуры Северным Уделей и ныне носящий его имя⁷.

Программа конференции помимо научных заседаний включала много других мероприятий. В первый день ее работы в помещении Мангха состоялось открытие большой временной выставки «Бронислав Пилсудский. 1866–1918», подготовленной Центром японского искусства и технологии, фондом Киото–Краков, Национальным краковским музеем. К ней в соседних залах примыкала постоянная выставка произведений японского искусства. Для участников конференции были организованы экскурсии по памятным местам Кракова, включая знаменитый Вавель. Большой прием был проведен в зале Городского музея. Польское телевидение устроило презентацию документального фильма о Б. Пилсудском, поставленном при активном участии А. Маевича (режиссер С. Шлягтич). Банкет в Закопане был дан в гуральском ресторане, где участники конференции в полной мере познакомились не только с национальной кухней, но и с песнями и танцами горцев. Незабываемое впечатление!

Вообще незабываемое впечатление от всего. От досконально продуманной программы конференции. От ее тщательной подготовки. Каждый участник получил не только традиционную папку с материалами конференции, включая список ее участников с их адресами, но и по выбору – новейшие исследования польских ученых народов Сибири, Азии и Африки, восточного традиционного искусства и т.д. Прекрасными организаторами показали себя Альфред Маевич и Томаш Вихеркевич, которым активно и слаженно помогали их коллеги. Очень жаль, что нет возможности назвать всех, но, вспоминая каждого из них, мы, участники конференции, каждый день по много раз с искренней благодарностью говорили им большое спасибо. Конференция проходила в исключительно творческой обстановке.

Конференция в Кракове убедительно показала, что со времени последней встречи в Южно-Сахалинске изучение наследия Б. Пилсудского получило значительное развитие и демонстрирует очевидные успехи. Хочется высказать пожелание проводить в рамках конференции круглый стол его участников по истории изучения тех проблем, которыми занимался Б. Пилсудский, чтобы выявить всю значимость его вклада в науку.

Примечания

¹ Первая конференция состоялась в Саппоро (Япония) в 1985 г., вторая – в Южно-Сахалинске в 1991 г. О второй конференции подробнее см.: *Прокофьев М.М.* Международная научная конференция «Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина», посвященная 125-летию со дня рождения ученого (31 октября – 2 ноября 1991 года): страницы истории // Изв. Ин-та наследия Бронислава Пилсудского. Вып. 1. Южно-Сахалинск, 1998. С. 156–166.

² Подробнее см.: *Савада К.* Японские знакомства Бронислава Пилсудского. 1. Фтабатэй Симэй // Изв. Ин-та наследия Бронислава Пилсудского. Вып. 1. С. 134–140.

³ Особо хочется отметить прекрасную работу: *Пилсудский Б.* «Дорогой Лев Яковлевич...» (Письма Л.Я. Штернберга. 1893–1917 гг.) / Сост., подг. к публикации, вступ. статья и коммент. В.М. Латышева. Южно-Сахалинск, 1996.

⁴ «Dear Father!» A Collection of B. Pilsudski's Letters, et alii / Edited, compiled, translated, annotated and written by Koichi Jnoe // *Pilsudskiana de Sapporo*. № 1. Sapporo, 1999.

⁵ Айнские коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Каталог. Токио, 1998 (на рус., англ. и яп. языках).

⁶ В частности, см.: *Кучиньски А.* За пределами науки. Деятельность Бронислава Пилсудского в Польском Народном Комитете в Париже // Изв. Ин-та наследия Бронислава Пилсудского. Вып. 3. Южно-Сахалинск, 1999. С. 141–144.

⁷ Пользуясь случаем, я благодарю директора музея Марию Захаровску и моего гида Элеонору Тенерович за проявленное внимание.

А.М. Решетов